

pocket**book**

pocket**book**

ЭРИХ МАРИЯ
РЕМАРК

Три товарища

Издательство
МОСКВА
2014

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Р 37

Erich Maria Remarque
DREI KAMERADEN

Печатается с разрешения The Estate of the Late Paulette
Remarque и литературных агентств
Mohrbooks AG Literary Agency и Synopsis.
© The Estate of the Late Paulette Remarque, 1937

Перевод с немецкого *И. Шрайбера*

Оформление *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке: The Illustrated
London News Picture Library, London, UK /
Bridgeman Images / Fotodom.ru

Ремарк, Эрих Мария.

Р 37 Три товарища / Эрих Мария Ремарк ; [пер. с нем. И. Шрайбера]. — Москва : АСТ : Эксмо, 2014. — 576 с.

ISBN 978-5-699-77027-4

ISBN 978-5-17-021818-9

Самый красивый в XX столетии роман о любви...

Самый увлекательный в XX столетии роман о дружбе...

Самый трагический и пронзительный роман о человеческих отношениях за всю историю XX столетия.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-699-77027-4 (Эксмо)
ISBN 978-5-17-021818-9 (АСТ)

© Шрайбер И., перевод на русский язык, наследники, 2014

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2014

© Оформление. ООО Издательство
«Эксмо», 2014

I

Небо было желтым, как латунь, и еще не закопчено дымом труб. За крышами фабрики оно светилось особенно ярко. Вот-вот взойдет солнце. Я глянул на часы. До восьми оставалось пятнадцать минут. Я пришел раньше обычного.

Я открыл ворота и наладил бензоколонку. В это время первые машины уже приезжали на заправку. Вдруг за моей спиной послышалось надсадное кряхтенье, будто под землей прокручивали ржавую резьбу. Я остановился и прислушался. Затем прошел через двор к мастерской и осторожно открыл дверь. В полумраке, пошатываясь, сновало привидение. На нем были испачканная белая косынка, голубой передник и толстые мягкие шлепанцы. Привидение размахивало метлой, весило девяносто килограммов и было уборщицей Матильдой Штосс.

С минуту я стоял и разглядывал ее. Переваливаясь на нетвердых ногах между радиаторами автомобилей и напевая глуховатым голосом песенку о верном гусаре, она была грациозна, как бегемот. На столе у окна стояли две бутылки коньяка — одна уже почти пустая. Накануне вечером она была не почтата. Я забыл спрятать ее под замок.

— Ну, знаете ли, фрау Штосс... — вымолвил я.

Пение прекратилось. Метла упала на пол. Блаженная ухмылка на лице уборщицы погасла. Теперь привидением был уже я.

— Иисусе Христе... — с трудом пробормотала Матильда и уставилась на меня красными глазами. — Не думала я, что вы так рано заявитесь...

— Понятно. Ну а коньячок ничего?

— Коньяк-то хорош... но мне так неприятно. — Она вытерла ладонью губы. — Прямо, знаете, как обухом по голове...

— Не стоит преувеличивать. Просто вы накачались. Как говорится, пьяны в стельку.

Она едва удерживалась в вертикальном положении. Ее усики подрагивали, а веки хлопали, как у старой совы. Но вскоре она кое-как овладела собой и решительно сделала шаг вперед.

— Господин Локамп!.. Человек всего лишь человек... Сперва я только принюхивалась... потом не выдержала, сделала глоток... потому что в желудке у меня всегда, знаете ли, какая-то вялость... Вот... а потом... а потом, видать, бес попутал меня... И вообще — нечего вводить бедную женщину в искушение... нечего оставлять бутылки на виду.

Уже не впервые я заставал ее в таком виде. По утрам она приходила на два часа убирать мастерскую, и там можно было спокойно оставить сколько угодно денег, к ним она не прикасалась... А вот спиртное было для нее то же, что сало для крысы.

Я поднял бутылку.

— Коньяк для клиентов вы, конечно, не тронули, а любимый сорт господина Кестера вылакали почти до дна.

Огрубевшее лицо Матильды исказилось гримасой удовольствия.

— Что правда, то правда... В этом я знаю толк.
Но, господин Локамп, неужто вы выдадите меня,
беззащитную вдову?

Я покачал головой:

— Сегодня не выдам.

Она опустила подоткнутый подол.

— Ладно, тогда улепетываю. А то придет господин Кестер... ой, не приведи Господь!

Я подошел к шкафу и отпер его.

— Матильда...

Она торопливо подковыляла ко мне. Я поднял над головой коричневую четырехгранный бутылку.

Она протестующе замахала руками:

— Это не я! Честно вам говорю! Даже и не пригубила!

— Знаю, — сказал я и налил полную рюмку. — А вы это когда-нибудь пробовали?

— Вопрос! — Она облизнулась. — Да ведь это ром! Выдержаный ямайский ром!

— Правильно. Вот и выпейте рюмку!

— Это я-то? — Она отпрянула от меня. — Зачем же так издеваться, господин Локамп? Разве можно каленым железом по живому телу? Старуха Штосс высосала ваш коньяк, а вы ей в придачу еще и ром подносите. Да вы же просто святой человек, именно святой... Нет, уж лучше пусть я умру, чем выпью!

— Значит, не выпьете?.. — сказал я и сделал вид, будто хочу убрать рюмку.

— Впрочем... — Она быстро выхватила ее у меня. Как говорят, дают — бери. Даже если не понимаешь, почему дают. Ваше здоровье! А у вас, случаем, не день ли рождения?

— Да, Матильда. Угадали.

— Да что вы! В самом деле? — Она вцепилась в мою руку и принялась ее трясти. — Примите мои самые сердечные поздравления! И чтобы деньжонок побольше! — Она вытерла рот. — Я так разволновалась, что обязательно должна тяпнуть еще одну. Ведь вы мне очень дороги, так дороги — прямо как родной сын!..

— Хорошо.

Я налил ей еще одну рюмку. Она разом опрокинула ее и, прославляя меня, вышла из мастерской.

Я спрятал бутылку и сел за стол. Через окно на мои руки падали лучи бледного солнца. Все-таки странное это чувство — день рождения. Даже если он тебе, в общем, безразличен. Тридцать лет... Было время, когда мне казалось, что не дожить мне и до двадцати, уж больно далеким казался этот возраст. А потом...

Я достал из ящика лист бумаги и начал вспоминать. Детские годы, школа... Это было слишком давно и уже как-то неправдоподобно. Настоящая жизнь началась только в 1916 году. Тогда я — тощий восемнадцатилетний верзила — стал новобранцем. На вспаханном поле за казармой меня муштровал мужланистый усатый унтер: «Встать!» — «Ложись!» В один из первых вечеров в казарму на свидание со мной пришла моя мать. Ей пришлось дожидаться меня больше часа: в тот день я уложил свой вещевой мешок не по правилам, и за это меня лишили свободных часов и послали чистить отхожие места. Мать хотела помочь мне, но ей не разрешили. Она расплакалась, а я так устал, что уснул еще до ее ухода.

1917. Фландрия. Мы с Мидцендорфом купили в кабачке бутылку красного. Думали попировать. Но

не удалось. Рано утром англичане начали обстреливать нас из тяжелых орудий. В полдень ранило Кестера, немного позже были убиты Майер и Детерс. А вечером, когда мы уже было решили, что нас оставили в покое, и распечатали бутылку, в наши укрытия потек газ. Правда, мы успели надеть противогазы, но у Миддендорфа порвалась маска. Он заметил это слишком поздно и, покуда стаскивал ее и искал другую, наглотался газу. Долго его рвало кровью, а наутро он умер. Его лицо было зеленым и черным, а шея была вся искромсана — он пытался разодрать ее ногтями, чтобы дышать.

1918. Это было в лазарете. Несколько днями раньше с передовой прибыла новая партия. Бумажный перевязочный материал. Тяжелые ранения. Весь день напролет въезжали и выезжали операционные каталки. Иногда они возвращались пустыми. Рядом со мной лежал Йозеф Штоль. У него уже не было ног, а он еще не знал об этом. Просто этого не было видно — проволочный каркас накрыли одеялом. Он бы и не поверил, что лишился ног, ибо чувствовал в них боль. Ночью в нашей палате умерло двое. Один — медленно и тяжело.

1919. Я снова дома. Революция. Голод. На улицах то и дело строчат пулеметы. Солдаты против солдат. Товарищи против товарищей.

1920. Путч. Расстрел Карла Брегера. Кестер и Ленц арестованы. Моя мама в больнице. Последняя стадия рака.

1921... Я напрасно пытался вспомнить хоть что-нибудь. Словно этого года вообще не было. В 1922-м я был железнодорожным рабочим в Тюрингии, в 1923-м руководил отделом рекламы фабрики резиновых изделий. Тогда была инфляция. Мое ме-

сячное жалованье составляло двести миллиардов марок. Деньги выплачивали дважды в день, и после каждой выплаты предоставлялся получасовой отпуск, чтобы обежать магазины и что-нибудь купить, пока не вышел новый курс доллара и стоимость денег не снизилась вдвое...

А потом?.. Что было в последующие годы? Я отложил карандаш. Стоило ли воскрешать все это в памяти? К тому же многое я просто не мог вспомнить. Слишком все перемешалось. Мой последний день рождения я отмечал в кафе «Интернациональ», где в течение года работал пианистом — должен был создавать у посетителей «лирическое настроение». Потом снова встретил Кестера и Ленца. Так я и попал в «Аврема» — «Авторемонтную мастерскую Кестера и К°». Под «К°» подразумевались Ленц и я, но мастерская, по сути дела, принадлежала только Кестеру. Прежде он был нашим школьным товарищем и ротным командиром; затем пилотом, позже некоторое время студентом, потом автогонщиком и, наконец, купил эту лавочку. Сперва к нему присоединился Ленц, который несколько лет околачивался в Южной Америке, а вслед за ним и я.

Я вытащил из кармана сигарету. В сущности, я мог быть вполне доволен. Жилось мне неплохо, я работал, силенок хватало, и я не так-то скоро уставал — в общем, как говорится, был здоров и благополучен. И все же не хотелось слишком много думать об этом. Особенно наедине с самим собой. Да и по вечерам тоже. Потому что время от времени вдруг накатывалось прошлое и впивалось в меня мертвыми глазами. Но для таких случаев существовала водка.

На дворе заскрипели ворота. Я разорвал листок с датами моей жизни и бросил клочки в корзинку. Дверь распахнулась настежь, и в ее проеме возник Ленц — длинный, худой, с гривой волос цвета соломы и носом, который подошел бы совсем другому человеку.

— Робби, — рявкнул он, — старый спекулянт! Ну-ка встать и стоять смирино! Начальство желает говорить с тобой!

— Господи Боже мой! — Я поднялся. — А я-то надеялся, что вы и не вспомните. Помилосердствуйте, ребята, прошу вас!

— Так легко от нас не отделаешься! — Готтфрид положил на стол пакет, в котором что-то здорово задребезжало. За ним вошел Кестер. Ленц встал передо мной во весь свой огромный рост.

— Робби, что тебе сегодня бросилось в глаза раньше всего другого?

— Танцующая старуха, — вспомнил я.

— Святой Моисей! Дурная примета! Но, знаешь ли, она в духе твоего гороскопа. Только вчера я его составил. Итак, рожденный под знаком Стрельца, ты человек ненадежный и колеблешься, как тростник на ветру. А тут еще эти подозрительные тритоны Сатурна. Да и Юпитер в этом году подкачал. Но поскольку мы с Отто вроде как твои отец и мать, то я первым преподношу тебе нечто для самозащиты. Возьми этот амулет. Когда-то я получил его от девы, чьими предками были инки. В ней текла голубая кровь, были у нее плоскостопие, вши и дар предсказывать будущее. «О, белокожий чужеземец, — сказала мне она, — этот талисман носили на себе короли, в нем заключены все силы Солнца, Земли и Луны, уж не говоря о более мелких планетах. Дай

доллар серебром на водку и бери его». И дабы не обрывались звенья счастья, я передаю его тебе, Робби.

С этим он надел мне на шею крохотную черную фигурку на тонкой цепочке.

— Вот так-то! Это против горестей высшего порядка. А от повседневных неприятностей вот — шесть бутылок рому. Их дарит тебе Отто! Этот ром вдвое старше тебя!

Он развернул пакет и одну за другой поставил бутылки на стол, залитый светом утреннего солнца. Бутылки сверкали, как янтарь.

— Великолепное зрелище, — сказал я. — И где ты их только раздобыл, Отто?

Кестер рассмеялся:

— Довольно путаная история. Долго рассказывать... Лучше скажи, как ты-то себя чувствуешь? Как тридцатилетний?

Я махнул рукой.

— Да вроде бы нет — чувство такое, будто мне шестнадцать и в то же время пятьдесят. В общем, хвалиться нечем.

— И это ты называешь «хвалиться нечем»! — возразил Ленц. — Да пойми ты — выше этого вообще ничего нет. Ведь ты без чьей-либо помощи, так сказать, суворенно покорил время и проживешь целых две жизни.

Кестер внимательно смотрел на меня.

— Оставь его, Готтфрид, — сказал он. — Дни рождения ущемляют самолюбие человека. Особенно по утрам... Но ничего — постепенно он придет в себя.

Ленц сожурился.

— Чем меньше у человека самолюбия, Робби, тем большего он стоит. Тебя это утешает?

— Нет, — ответил я, — нисколько. Если человек чего-то стоит, значит, он уже как бы памятник самому себе. По-моему, это и утомительно, и скучно.

— Ты только подумай, Отто! Он философствует, — сказал Ленц. — Следовательно, он спасен. Он преодолел самое страшное — минуту безмолвия в собственный день рождения, когда человек заглядывает самому себе в глаза и внезапно обнаруживает, какой же он жалкий цыпленок... А теперь мы можем со спокойной совестью приступить к трудам праведным и смазать внутренности старого «Кадиллака»...

Мы кончили работать, когда уже смеркалось. Затем умылись и переоделись. Ленц с вожделением смотрел на батарею бутылок.

— Не свернуть ли нам шею одной из них?

— Это должен решить Робби, — сказал Кестер. — Человек получил подарок, а ты к нему с такими прозрачными намеками. Некрасиво это, Готтфрид.

— А заставлять дарителей подыхать от жажды, по-твоему, красиво? — ответил Ленц и откупорил бутылку.

Сразу по всей мастерской разлился аромат рома.

— Святой Моисей! — воскликнул Готтфрид.

Мы стали принюхиваться.

— Не запах, а просто какая-то фантастика, Отто. Для достойных сравнений нужна самая высокая поэзия.

— Просто жалко распивать такой ром в этой компании! — решительно заявил Ленц. — Знаете что? Поедем за город, там где-нибудь поужинаем, а бутылку прихватим с собой. Разопьем ее на природе.

— Блестящая мысль.

На руках мы откатили «Кадиллак», с которым провозились почти весь день. За ним стоял довольно странный предмет на колесах. То была гордость нашей мастерской — гоночная машина Отто Кестера.

В свое время, попав на аукцион, Кестер по дешевке приобрел этот высокий старый драндулет. Знатоки без колебаний утверждали, что это был бы любопытный экспонат для музея истории транспорта. Больвис, владелец фабрики дамских пальто и гонщик-любитель, посоветовал Отто переделать эту штуку в швейную машину. Но Кестера все это ничуть не трогало. Он разобрал свое приобретение на части, словно часовой механизм, и несколько месяцев кряду ежедневно возился с ним дотемна. Как-то вечером подкатил на нем к бару, который мы обычно посещали. Больвис так расхохотался, что едва не свалился со стула, — детище Кестера по-прежнему выглядело крайне смешно. Чтобы по-забавиться, Больвис предложил Отто пари — двести марок против двадцати, если тот рискнет на своей таратайке помериться силами с его новой спортивной машиной. Дистанция — десять километров, Кестер получает для своей машины фору в один километр. Отто согласился. Кругом стоял хохот — все предвкушали небывалую потеху. Но Кестер изменил условия состязания: он отказался от форы и с самым невозмутимым видом предложил повысить ставку до тысячи марок с обеих сторон. Больвис оторопел и спросил Отто, не отвезти ли его в дом для душевнобольных. Вместо ответа тот запустил двигатель. Оба сразу же тронулись с места, чтобы решить, кто — кого. Через полчаса Больвис вернулся с таким расстроенным видом, словно увидел

морского змея. Молча он выписал чек и тут же стал выписывать второй — хотел, не сходя с места, купить эту старомодную машину. Но Кестер высмеял его. Теперь он не хотел расстаться с ней ни за какие деньги. Но как бы она ни была безупречна по своим техническим качествам, ее внешний вид все еще оставался страшноватым. Для каждого дневного использования мы смонтировали какой-то особенно старомодный, прямо-таки допотопный кузов. Лак утратил блеск, крылья были в трещинах, а ветхий откидной верх прослужил никак не меньше десяти лет. Мы, конечно, могли бы придать машине куда более привлекательный вид, но по определенной причине сознательно не делали этого.

Машину мы назвали «Карл». «Карл» — призрак шоссейных дорог.

Шурша шинами и сопя, «Карл» мчался по дороге.

— Отто, — сказал я. — Приближается жертва.

За нами нетерпеливо ревел клаксон тяжелого «Бьюика». Он быстро нагнал нас, радиаторы поравнялись. Мужчина за рулем небрежно глянул на нас. Затем презрительно скользнул взглядом по обшарпанному «Карлу», тут же отвернулся и, казалось, забыл о нашем существовании.

Но через несколько секунд ему пришлось убедиться, что «Карл» все еще идет с ним вровень. Он уселся поудобнее, с веселым любопытством снова посмотрел на нас и прибавил газу. Но «Карл» не сдавался. Словно терьер рядом с дого, маленький и юркий, он стремительно несся вперед, не отставая от здоровенной машины, сверкающей лаком и хромом.